

Мио, мой Мио!

Автор:

Астрид Линдгрен

Мио, мой Мио!

Астрид Линдгрен

Хорошо, если у тебя есть и папа и мама. А если ты совсем один? Если тебе одиноко, как невыносимо одиноко девятилетнему мальчику Буссе из сказочной повести Астрид Линдгрен? Тогда твоё воображение может унести тебя в Страну Далёкую, где король – твой отец, а сам ты прекрасный принц Мио. И даже если тебе грозит опасность и придётся сразиться с ужасным и коварным рыцарем Като, ты способен преодолеть любой страх, потому что в той волшебной стране всё, о чём ты мечтаешь, обязательно сбудется.

Астрид Линдгрен

Мио, мой Мио!

Astrid Lindgren

Mio, Min Mio

1954

First published in 1954 by Raben & Sjögren, Sweden.

For more information about Astrid Lindgren, see www.astridlindgren.com
(<http://www.astridlindgren.com/>).

All foreign rights are handled by The Astrid Lindgren Company, Lidingö, Sweden.

For more information, please contact info@astridlindgren.se
(<mailto:info@astridlindgren.se>)

© Text: Astrid Lindgren, 1954 / The Astrid Lindgren Company

© Токмакова И.П., наследники, перевод на русский язык, 2019

© Аникин В.И., наследники, иллюстрации, 2019

© Оформление, издание на русском языке.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2019

Machaon®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Он пробыл в пути целый день и всю ночь

Кто-нибудь из вас слушал радио пятнадцатого октября ровно год назад? Может, кто-нибудь обратил внимание на сообщение о пропавшем мальчике? А сообщалось следующее: «Объявлен розыск девятилетнего Бу Вильгельма Ульсона. Он исчез из дома третьего дня вечером, ровно в 18 часов. Проживает на Уппландсгатан, 13. Волосы светлые, глаза голубые, одет в короткие коричневые штанишки и серую вязаную фуфайку. На голове – маленькая шапочка красного цвета. Если вам что-либо известно о пропавшем мальчике, сообщите в дежурную часть полиции».

Так-то вот. Бу Вильгельм Ульсон исчез. И никто не имел понятия, куда он подевался. Решительно никто ничего не знал, кроме меня. Потому что я и есть Бу Вильгельм Ульсон.

А мне бы очень хотелось кому-нибудь рассказать о том, как всё получилось. Хотя бы только Бенке. Мы с Бенкой дружим и всегда вместе играем. Он ведь тоже живёт на улице Уппландсгатан. Вообще-то его зовут Бенгт. Но все называют его просто Бенка. Ну и меня тоже никто не зовёт Бу Вильгельм Ульсон, а попросту Буссе. То есть так меня раньше звали. Но я ведь исчез, поэтому они меня теперь никак не зовут. Прежде только тётя Эдла и дядя Сикстен звали меня Бу Вильгельм. Впрочем, дядя Сикстен никогда и не произносил моего имени. Он вообще со мной не разговаривал.

Я ведь приёмш. Я оказался у них, когда мне исполнился всего год. А до того я находился в сиротском приюте. Это тётя Эдла взяла меня оттуда. На самом деле ей хотелось иметь девочку. Но в это время девочки, которую могли бы отдать из приюта, там не оказалось. И тогда тётя взяла меня, несмотря на то что ни она, ни дядя Сикстен терпеть не могут мальчишек. И совсем их не выносят, когда тем исполняется восемь-девять лет. Им всё кажется, что от меня сплошная суматоха, и что я притаскиваю в дом ужас сколько грязи после прогулки в Тегнеровой роще (так называется парк, что находится неподалёку от

нашего дома), и что я устраиваю беспорядок и повсюду разбрасываю свою одежду, и то болтаю без умолку, то хохочу во всё горло. Тётя Эдла постоянно говорила, что день, когда я появился в их доме, самый несчастный в её жизни. А дядя Сикстен ничего не говорил. Впрочем, нет, иногда говорил: «Эй, ты, пшёл вон. Спасу от тебя нет!»

Вот почему я столько времени проводил у Бенки. Его папа любил подолгу с ним беседовать, и помогал делать модели планёров, и время от времени отмечал на косяке кухонной двери, насколько Бенка вырос. И ещё Бенке разрешалось сколько хочешь болтать и смеяться и разбрасывать вещи. Его всё равно любили. И всем мальчишкам разрешалось приходить к Бенке и играть сколько влезет. А ко мне никто не приходил. Тётя Эдла говорила: «Нечего мне тут устраивать беготню». А дядя Сикстен добавлял: «Нам и от одного обормота тошно».

Иногда по вечерам, когда я ложился спать, я мечтал о том, чтобы Бенкин папа был и моим отцом. И я всё думал и думал, кто же мой настоящий отец и отчего так получилось, что я живу не с папой и с мамой, а то в приюте, то у тёти Эдлы и дяди Сикстена. Тётя Эдла однажды сказала мне, что моя мама умерла сразу после того, как я родился. А кто мой отец, этого вроде бы никто и не знает. «Можно только догадываться, что это за мерзавец», – говорила она. Я ненавидел тётю Эдлу за эти слова. И я знал, я знал, что мой отец вовсе никакой не мерзавец.

И часто, лёжа в постели, я плакал и всё думал, всё думал о нём. А вот тётушка Лундин, которая торгует фруктами, была по-настоящему добра ко мне! Иногда она давала мне что-нибудь вкусненькое и угощала фруктами. С неё-то всё и началось в октябре прошлого года.

В тот день тётя Эдла без конца поминала недобрым словом тот злополучный час в её жизни, когда я появился в их доме. Как раз около шести часов вечера она вдруг надумала послать меня на улицу Дроттнингатан купить в булочной её любимых сухариков. Я надел свою красную шапочку и рванул вон из дома. Когда я пробежал мимо фруктовой лавки, тётушка Лундин стояла в дверях. Она взяла меня за подбородок и смерила долгим, пристальным взглядом. А потом наконец

спросила:

– Яблочка хочешь?

– Спасибо, хочу, – откликнулся я.

Она протянула мне красивое румяное яблочко и сказала:

– Можно попросить тебя опустить открытку в почтовый ящик?

– С удовольствием, – тут же согласился я.

Она что-то написала на открытке и вручила её мне.

– Что ж, прощай, Бу Вильхельм Ульсон, – сказала она. – Прощай. Прощай!

Как странно она это сказала, ведь прежде она всегда звала меня просто Буссе.

Я прошёл квартал до почтового ящика. Когда я протянул руку, чтобы опустить открытку, я вдруг увидел, что буквы на ней горят и переливаются яркими огоньками. Не удержавшись, я позволил себе прочесть, что там было написано. А написано было вот что:

«Страна Далёкая. Королю.

Тот, кого ты так долго искал, в пути.

Он пробудет в пути целый день и всю ночь.

Ты узнаешь его по золотому яблоку в руке».

Я ничегошеньки не понял, только по всему телу у меня пробежали мурашки, и я поспешил опустить открытку в ящик.

Кто же это проведёт в пути целый день и всю ночь? Интересно, у кого это в руке золотое яблоко?

И тут я поглядел на яблоко, которое дала мне тётушка Лундин. Оно было золотое! Оно было золотое, вы слышите?! Это в моей, в моей руке было золотое яблоко! Я чуть не заплакал. До сих пор не понимаю, как я не заплакал. Но отчего-то вдруг почувствовал себя таким одиноким. Я дошёл до скамьи в парке и присел на неё. Вокруг ничегошеньки не было. Все отправились по домам ужинать. Наступили сумерки. Стал накрапывать дождик. В окрестных домах зажигались огни. Мне было видно, что у Бенки тоже горит свет. Сидит он, наверно, сейчас за столом с папой и мамой и ест зелёный горошек и блинчики. И я представил, как во всех домах, где горит свет, дети сидят за столом и ужинают с папами и мамами. И только я торчу тут в темноте один-одинёшенек, держу в руке золотое яблоко и понятия не имею, что с ним делать. Я положил его рядом с собой на скамейку. Неподалёку зажёгся уличный фонарь. Он осветил и меня, и моё яблоко. В свете фонаря что-то блеснуло на земле, рядом со скамейкой. Оказалось, бутылка из-под пива, пустая, разумеется. Кто-то заткнул её горлышко деревяшкой. Должно быть, кто-нибудь из ребятишек, что гуляют днём в парке. Я поднял бутылку. На этикетке значилось: «Стокгольмское акционерное общество пивоваренных заводов. 2-я категория». И, пока я читал надпись, я заметил, что внутри бутылки что-то шевелится. В книжке арабских сказок «Тысяча и одна ночь», которую я как-то взял в библиотеке почитать, говорилось о духе, посаженном в бутылку. Но это случилось давным-давно, тысячу лет назад, и уж во всяком случае вряд ли тогда его запихнули в простую бутылку из-под пива.

Да и с чего бы это некий дух вдруг оказался в бутылке стокгольмских пивоваров? Но, поверьте, на этот раз так оно и случилось. Это был дух, и, казалось, он как раз и пытался из этой бутылки выбраться. Он показывал на деревяшку, торчавшую в горлышке, и точно о чём-то просил. Надо сказать, до того я никогда не имел дело с духами, поэтому слегка струсил. Но в конце концов я всё-таки решился. Дух со страшным грохотом вырвался наружу и стал расти, расти, пока не сделался выше крыш всех окрестных домов. Это всегда так: духи умеют так съёжиться, что им нетрудно уместиться в бутылке, а потом вмиг могут вырасти высотой с дом. Вы и представить себе не можете, до чего же я испугался. Меня трясло как в лихорадке. И тут дух заговорил со мной. Голос его был похож на шум воды и вой ветра. Мне подумалось: «Вот бы тёте Эдле и дяде Сикстену послушать, а то они всё ворчат и ругаются, что я слишком громко разговариваю».

– Мальчик, – обратился ко мне Дух, – ты спас меня из заточения. Скажи, как и чем я мог бы тебя отблагодарить?

Но я вовсе не ждал никакой благодарности. Подумаешь, всего-то вытащил деревяшку из бутылки!

Дух поведал мне, что он прибыл в Стокгольм накануне вечером и забрался в бутылку, чтобы отдохнуть с дороги. Известно, духам нравится спать в бутылках. Но, пока он спал, кто-то заткнул горлышко деревяшкой, и ему было уже не выбраться наружу. И если б я его не освободил, пришлось бы ему торчать там целую вечность, пока деревяшка не сгнила бы и не раскрошилась от времени.

– И это вряд ли пришлось бы по нраву его величеству королю, – пробормотал он.

Я набрался храбрости и спросил:

– Дух, а откуда ты вообще взялся-то?

Помолчав минуту, он ответил:

– Из Страны Далёкой.

И голос его прозвучал так оглушительно, что у меня зазвенело в голове и заложило уши. И что-то такое было в этом голосе, что мне нестерпимо захотелось оказаться в этой стране, я протянул к нему руки и закричал:

– Возьми меня с собой! Возьми меня с собой в Страну Далёкую! Мне кажется, что кто-то там меня очень ждёт.

Но Дух покачал головой. И тут, сам не знаю почему, я указал ему на моё золотое яблоко.

– О! – воскликнул он. – Ты-то мне и нужен! Это тебя разыскивает наш король в течение долгих лет!

Он нагнулся ко мне и взял меня на руки. Вокруг что-то запело, зазвенело, и мы поднялись в воздух. А там, внизу, остались и парк, и все дома с освещёнными окнами, где дети ужинали со своими папами и мамами. А я, Бу Вильхельм Ульсон, парил в вышине, почти где звёзды. Быстрее молнии неслись мы над облаками, а всюду что-то грохотало пострашнее грома. Рядом с нами сверкали звёзды, и солнца, и луны. А то вдруг накатывала непроглядная тьма или неожиданно появлялось такое сияние, что недолго было ослепнуть.

«Он пробудет в пути целый день и всю ночь», – прошептал я, вспомнив, что было написано в открытке.

Через какое-то время Дух махнул рукой, указывая туда, где вдали виднелось что-то зелёное, омываемое голубыми водами и освещённое яркими солнечными лучами.

– Видишь, это и есть Страна Далёкая, – сказал Дух.

И я увидел сверкающий остров посреди лазурного моря. В воздухе было разлито благоухание роз и лилий. И звучала музыка, прекраснее которой не было ничего на свете. Поблизости от озера высился огромный замок из белого камня. Возле него мы и приземлились. Кто-то вдоль берега торопливо шёл нам навстречу.

Это был мой отец-король! Я сразу понял, что это он! Я сразу его узнал! Он раскинул руки, а я бросился в его объятия и крепко-крепко обнял за шею.

Ах, как бы мне хотелось, чтобы тётя Эдла увидела нас в эту минуту. Пусть бы она посмотрела, как он хорош и как сверкает золотом и бриллиантами его одеяние. Он был чем-то похож на Бенкиного отца, только намного красивее. Жаль, что тётя Эдла его не увидит. Она бы сразу убедилась, что никакой он не «мерзавец». Единственное, что оказалось правдой, как мне сказал мой отец-король, это то, что моя мама действительно умерла при моём рождении. А эти дураки из приюта и не почесались сообщить ему, где я нахожусь, и он всё искал и искал меня долгих девять лет. И вот, к счастью, я наконец нашёлся...

Я уже давно живу здесь. Целыми днями живу в радости. По вечерам мой отец-король заходит в мою комнату, и мы строим модели планёров и говорим, говорим, никак не можем наговориться.

Я расту, и мне очень хорошо здесь, в Стране Далёкой. Мой отец-король каждый раз отмечает на дверном кухонном косяке, насколько я вырос.

– Мио, мой Мио, посмотри-ка, ты ещё подросток, – говорит он. И голос его звучит так тепло-тепло. Оказалось, что меня зовут вовсе и не Буссе.

– Мио, мой Мио, – говорит мой отец-король. – Я искал тебя целых девять лет. Бессонными ночами я думал о тебе и повторял про себя: «Мио, мой Мио». Я знал, что тебя так зовут.

Вот ведь как бывает. Это всё была ошибка: и что будто меня зовут Буссе, и что жил я на Уппландсгатан. А вот теперь всё правильно. Я очень люблю своего отца-короля, и он меня тоже любит.

Мне бы хотелось, чтобы мой друг Бенка обо всём узнал. Думаю, напишу-ка я ему письмо и положу его в бутылку. Заткну бутылку пробкой и брошу в море. И когда Бенка отправится летом с папой и мамой на остров Вексхольм, может, бутылка проплывёт рядом с ними, когда он будет купаться. Вот было бы здорово! Было бы просто отлично, если бы он узнал обо всём, что со мной случилось. И тогда бы он смог позвонить в полицию, в дежурную часть, и сказать, что Бу Вильхельм Ульсон на самом деле зовётся Мио, и что он находится в безопасности, в Стране Далёкой, и что ему прекрасно живётся у его отца-короля.

В саду, где цветут розы

Признаться, я толком и не знаю, как мне написать Бенке. Всё, что со мной приключилось, прямо-таки ни на что на свете не похоже. И я никак не соображу, как выразиться, чтобы Бенке всё сразу стало понятно. Можно сказать так: «Со

мною случилось нечто неслыханное». Но это ему ничего не объяснит. Мне пришлось бы послать ему не меньше дюжины бутылок, если бы я задумал рассказать ему о моём отце-короле и про сад, где цветут розы, и про Юм-Юма, и о моей прекрасной белой лошади Мирамис, и о злобном рыцаре Като из Страны Тридесятой. Нет, я не сумею обо всём этом рассказать.

Уже в самый первый день мой отец-король повёл меня в сад, где цветут розы. День клонился к вечеру, ветерок шелестел, играя листвой. Когда мы подходили к саду, послышалась удивительная музыка, точно тысяча стеклянных колокольчиков зазвенели все разом. Музыка звучала тихо, но вместе с тем так выразительно, что от неё в сердце поселялся какой-то трепет.

- Слышишь, это поют мои серебристые тополя, - сказал мой отец-король.

Пока мы шли, он держал меня за руку. Тётя Эдла и дядя Сикстен сроду не брали меня за руку, да и никто никогда прежде меня за руку не водил. Поэтому мне было так любо, что мой отец-король вёл меня за руку, хоть я уже и не был малышом.

Сад был огорожен высокой каменной стеной. Мой отец-король отворил маленькую калиточку, и мы попали в сад. Когда-то давно мне позволили поехать с Бенкой к ним на дачу на остров Вексхольм. Мы сидели с ним на прибрежном валуне и удили рыбу. Солнце клонилось к закату. Небо покрылось румянцем, а вода была гладкая, как стекло. В это время буйно цвёл шиповник. Его расцветшие кусты покрывали окрестные скалы. А вдали, по другую сторону бухты, громко куковала кукушка. Тогда мне показалось, что ничего прекрасней в мире быть не может. Я не имею в виду кукушку, потому что я её не видел, но от её кукования всё словно преображалось. Я не такой дурак, чтобы вопить о своих чувствах слух, и я ничего не сказал Бенке, но про себя повторял: «Это самое прекрасное на свете».

Но тогда я ещё не видел сада, где цветут розы, не видел роз моего отца-короля, таких прекрасных, таких необыкновенно прекрасных, что будто струились и плыли мне навстречу, не видел его белоснежных лилий, которые тихонечко

кланяются на ветру, не был знаком с его тополями, не видел их листьев, точно сделанных из чистого серебра.

Тополя были такие высокие-высокие, до самого неба, что вечером в их кронах зажигались звёзды. Я тогда ещё не видел его белых птиц, пролетавших над садом, и не слышал такого птичьего пения и серебряного звона тополевых листьев. Никто никогда не видел и не слышал ничего более прекрасного, чем то, что мне довелось увидеть и услышать в саду моего отца-короля, и я стоял неподвижно и держался за отцовскую руку. Какое счастье, что он был рядом, было бы просто невозможно любоваться всей этой красотой в одиночестве. Он потрепал меня по щеке и спросил:

– Мио, мой Мио, нравится ли тебе здесь, в саду?

А я даже не смог ему ответить, настолько я был потрясён. Даже вроде бы немного загрустил от потрясения. Но если вдуматься, то вовсе и не загрустил. Нет, на самом деле нет! Даже совсем наоборот! Я хотел было сказать ему об этом, но, прежде чем я сумел что-либо выговорить, он промолвил:

– Я рад, что тебе хорошо. Пусть тебе всегда будет хорошо, Мио, мой Мио.

Потом он пошёл к садовнику, который дожидался его поодаль, а я стал носиться по саду, смеясь от души. У меня просто голова шла кругом от всей этой красоты, точно я хмельного мёду напился, ноги мои не знали удержу, а руки сделались такими сильными-сильными. Жалко только, не было со мной Бенки. Вот бы я с ним поборолся, не всерьёз, разумеется.

В самом деле, мне очень хотелось, чтобы Бенка оказался рядом. Я бы поделился с ним своей радостью, он, должно быть, сидит сейчас в парке на скамейке. А там сумрачно и дождливо. Теперь-то он наверняка знает, что я пропал, и недоумеваает, куда бы это я мог деться, и гадает, увидит ли он меня ещё когда-нибудь. Бедный Бенка! Нам было так весело играть вдвоём. И я даже затосковал по нему, гуляя в саду моего отца-короля. Из моей прошлой жизни только по нему одному я и скучал. Правда, ещё тётушка Лундин бывала ко мне всегда очень добра. Но больше всего я всё-таки думал о Бенке. Я примолк и тихонько брёл по дорожке, которая вилась среди розовых кустов. Медовый хмель понемногу покидал меня, и я даже стал понурым. И вдруг... Вдруг мне показалось, что передо мной стоит... Бенка? Но это был не Бенка. Это был Юм-Юм. Сначала я,

конечно, не знал, что его так зовут. У него были тёмные волосы, как у Бенки, и такие же карие глаза.

– Кто ты? – спросил я.

– Юм-Юм, – ответил он.

И тут я понял: не так уж он и похож на Бенку. Он казался серьёзнее и добрее. Бенка в общем-то добрый, как, впрочем, и я. Но с Бенкой всё-таки можно было и подраться, иногда мы даже могли посердиться друг на друга, хотя всё равно, конечно, оставались друзьями. А Юм-Юм выглядел таким добрым, что с ним вряд ли захотелось бы драться.

– Сказать, как меня зовут? – спросил я. – Вовсе и не Буссе. Меня зовут Мио.

– Мне известно, что тебя зовут Мио, – сказал Юм-Юм. – Его величество король объявил на всю страну, что Мио наконец-то вернулся домой.

Вы только подумайте! Значит, мой отец-король так мне обрадовался, что послал известие во все концы Страны Далёкой!

– А у тебя есть отец, Юм-Юм? – спросил я, очень надеясь, что он скажет, что есть, потому что я знаю, каково это не иметь отца.

– Конечно, есть, – ответил Юм-Юм. – Он служит садовником у его величества короля. Хочешь, пойдём со мной, поглядишь, где я живу.

Ну конечно, я тут же согласился.

И он побежал впереди меня по извилистой дорожке в самый дальний уголок сада. Там стоял маленький белый домик под соломенной крышей, в точности такой, какой рисуют на картинках к сказкам. По его стенам и даже на крыше цвело столько выющихся роз, что сами эти стены были едва видны. Окна домика

были распахнуты, и белые птицы влетали и вылетали, сколько им хотелось. Перед крылечком стояли столик и скамейка. А чуть поодаль – целый ряд ульев. Возле расцветших роз кружили и жужжали пчёлы. Вокруг дома было тоже полно розовых кустов и росли тополя и ивы с серебристой листвой. Через кухонное окно донёлся голос:

– Юм-Юм, ты что, позабыл про ужин?

Это мама Юм-Юма звала сына. Она вышла на крылечко и заулыбалась. Мне показалось, что она очень похожа на тётушку Лундин. Такие же ямочки на щеках, только мама Юм-Юма чуть покрасивее. Она взяла меня за подбородок, в точности как тётушка Лундин в тот вечер, когда сказала: «Прощай, Бу Вильхельм Ульсон». Но мама Юм-Юма сказала по-другому:

– Добрый день, добрый день, Мио! Поужинаешь вместе с Юм-Юмом?

– Спасибо, только не затруднит ли это вас?

Но она заверила меня, что её это нисколечко не затруднит.

И мы с Юм-Юмом уселись за столик в саду, а его мама принесла нам пышные блины, клубничное варенье и по стакану молока. Мы наелись до отвала, а потом поглядели друг на друга и весело расхохотались. Какая радость, что у меня есть Юм-Юм! Тут вдруг подлетела белая птица и ухватила оставшийся кусочек блина с моей тарелки, а мы стали смеяться пуще прежнего. В это время к нам подошли мой отец-король и садовник, отец Юм-Юма.

Мне стало немного боязно: вдруг мой отец-король останется недоволен, что я расселся тут и хохочу во всё горло, – к тому времени я ещё не до конца понял, какой мой отец-король добрый, и что бы я ни сделал, его нисколечко это не рассердит.

– Мио, мой Мио, ты тут сидишь и смеёшься, – заметил он.

– Да, прости меня, – сказал я, подумав, что его, как тётю Эдлу и дядю Сикстена, наверное раздражает мой смех.

– Смейся сколько хочешь, – неожиданно для меня сказал он, а потом повернулся к садовнику и добавил: – Я люблю слушать пение птиц. Люблю прислушиваться к звону моих серебристых тополей, но больше всего на свете я люблю слышать смех моего сына, который раздаётся в саду, где цветут розы.

И тут наконец я осознал: мне совсем не стоит бояться моего отца-короля. Что бы я ни сделал, он будет смотреть на меня вот такими, как сейчас, добрыми глазами. И как только я понял это, мне стало так хорошо, я почувствовал себя таким счастливым, как никогда в жизни. И, запрокинув голову, я засмеялся ещё громче, теперь уже просто от счастья. Юм-Юм подумал, что я всё ещё смеюсь над птицей, которая утащила кусок блина с моей тарелки, и тоже засмеялся ещё громче, и его папа и мама засмеялись вместе с нами.

А я-то смеялся просто от радости, что у меня такой добрый отец. Когда мы покончили с ужином, мы с Юм-Юмом стали бегать меж розовых кустов, кувыркаться на зелёной лужайке и играть в прятки. А тут в саду столько укромных местечек, что нам с Бенкой в парке Тегнера и десятой доли хватило бы. Впрочем, я ведь больше никогда не буду играть в прятки с Бенкой.

Приближались сумерки. Сад, где цветут розы, окутала мягкая голубая дымка. Белые птицы примолкли и улетели в свои гнёзда. Притихли и серебристые тополя, в саду стало тихо-тихо. Только на самой верхушке самого высокого тополя сидела большая чёрная птица и пела.

И песня её была прекраснее песен всех белых птиц. И мне показалось, что поёт она для меня.

– Ну вот, настал вечер, и скоро будет ночь, – сказал Юм-Юм. – Пора домой.

– Нет, не уходи, – попросил я его. – Мне жутковато оставаться здесь одному с этой странной птицей. Что это за птица, Юм-Юм?

– Не знаю. Я зову её птица Печаль. Просто потому, что она такая чёрная. А может, её зовут как-то по-другому.

– Мне она не больно-то нравится, – заметил я.

– А я всё-таки люблю её, – отозвался Юм-Юм. – У неё глаза добрые. Спокойной ночи, Мио! – пожелал он мне и убежал.

В этот миг подошёл мой отец-король. Он взял меня за руку, и мы пошли домой мимо розовых кустов. Птица Печаль продолжала петь свою песню, но теперь, когда я шёл за руку с моим отцом-королём, её песня меня не тревожила, она даже нравилась мне, и мне уже хотелось, чтобы она всё пела и пела.

Когда мы выходили из сада через калитку, последнее, что я увидел, – птица Печаль, взмахнув крыльями, устремилась к небу. А в небе зажглись три маленькие яркие звёздочки.

Мирамис

Хотелось бы мне знать, что сказал бы Бенка, если бы увидел мою белую лошадь с золотой гривой? Мою Мирамис с золотой гривой и золотыми копытами. Мы с Бенкой оба очень любим лошадей. И не только Бенка с тётушкой Лундин были моими друзьями в прошлой жизни. Был у меня ещё один друг по имени Калле-Франт, о котором я запомнил рассказать. Это был старый конь, развозивший пиво. Пару раз в неделю в магазинчики на Уппландсгатан доставляли пиво. Его привозили по утрам, как раз когда я направлялся в школу. И всякий раз я задерживался, чтобы поболтать с Калле-Франтом. Это был такой добрый старый конь. Я припасал для него кусочки сахара и хлебные корочки. И Бенка тоже. Потому что он тоже любил Калле-Франта.

Не меньше чем я. Он даже пытался меня уверить, что Калле – это его конь. А я говорил, что мой. И мы даже иногда из-за этого ссорились. Но стоило Бенке отвернуться, как я шептал Калле на ухо: «Ты мой, Калле, правда ведь?» И мне временами казалось, что Калле понимает меня и даже со мной соглашается. У Бенки ведь были и папа, и мама, и вообще всё на свете, и ему не так, как мне, нужен был конь. Но на самом-то деле Калле был вовсе даже и не наш, он

принадлежал пивоварне. Он был наш только понарошку, но мне так хотелось верить, что он был моим! Иногда, бывало, я заболтаюсь с Калле да и опоздаю в школу. Учительница спрашивала, где я пропадал, а я не знал, что ответить. Ведь она не поймёт, если ей скажешь, что заговорился с конём, который служит в пивоварне. Иногда повозка с пивом задерживалась, и тогда я вынужден был бежать в школу, не повидавшись с Калле. «Ну что этот возница замешкался», – злился я. Я сидел в классе за партой, перебирал кусочки сахара и корочки хлеба в своём кармане и сожалел, что теперь несколько дней не увижусь с Калле.

Учительница спрашивала:

– Что ты, Буссе, сидишь и вздыхаешь? Что, плохо или уж совсем никуда?

Я ничего не отвечал. Что тут скажешь? Разве объяснишь ей, как я люблю Калле?

Что ж, теперь он принадлежит одному Бенке. Ну вот и хорошо. Пусть он хоть этим утешается, раз меня с ним нет.

А у меня теперь есть златогривая Мирамис.

И вот как она появилась.

Как-то вечером, когда мы строили модель планёра и болтали так же, как Бенка со своим папой, я рассказал моему отцу-королю про Калле-Франта.

– Мио, мой Мио, – сказал мой отец-король, – выходит, ты любишь лошадей?

– В общем, да, – ответил я без особого энтузиазма, чтобы мой отец-король вдруг не подумал, что здесь, рядом с ним, я могу о чём-то затосковать.

На следующее утро, когда я пришёл погулять в сад, где цветут розы, совсем неожиданно ко мне прискакала белая лошадь, я в жизни не видел такого красивого галопа. На ветру развевалась золотая грива, а на солнце сверкали

золотые копыта. Она неслась прямо на меня и издавала ржание, какого я никогда прежде не слышал. Я даже испугался и прильнул к моему отцу-королю. Но он крепкой рукой ухватил лошадь за гриву, и она застыла на месте, а потом ткнулась мягким носом в мой карман в поисках кусочков сахара, ну в точности как это проделывал Калле. Один кусочек у меня всё-таки нашёлся, он хранился там для моего старого друга. Лошадь достала его и съела.

– Мио, мой Мио, – сказал мой отец-король, – эта лошадь – твоя. И зовут её Мирамис.

О моя Мирамис!

Я полюбил её с первой же минуты. Это была самая прекрасная лошадь на свете. Она ни капельки не походила на Калле-Франта. Он был такой старый и так утомлён работой. Нет, я не находил у них никакого сходства. Но только до тех пор, пока Мирамис не подняла свою прекрасную голову и не взглянула на меня. Тут я увидел, что её глаза в точности такие же, как у Калле. В них светилась такая преданность! Впрочем, как у каждой лошади.

Верхом я ведь ни разу в жизни не ездил. А тут вдруг мой отец-король поднял меня и усадил на Мирамис.

– Не знаю, сумею ли я, – засомневался я.

– Мио, мой Мио, – отозвался мой отец-король, – разве у тебя не храброе сердце?

И я взялся за поводья и поскакал по дорожкам сада, где цветут розы. Я скакал под серебристыми тополями, так что серебристые листья сыпались мне на голову и путались в волосах. А я всё скакал, всё дальше и дальше, а Мирамис перепрыгивала через самые высокие розовые кусты.

Вскоре в саду появился Юм-Юм. Он увидел, как я скачу на лошади, захопал в ладоши и закричал:

– Мио скачет на Мирамис! Мио скачет на Мирамис!

Я остановил Мирамис и спросил Юм-Юма:

– Хочешь поскакать со мной?

Ну разумеется, ему этого хотелось. Он взобрался на круп лошади позади меня. И мы поскакали по зелёным полям и лугам, расположенным за садом, где цветут розы. Никогда в жизни не испытывал я такой радости!

Королевство моего отца-короля такое большое, больше многих королевств на свете. Оно простирается от востока до запада, от севера до юга. Остров, на котором стоит королевский замок, называется Остров Зелёных Лугов. Но это лишь малая часть его владений. Малая, малая часть Страны Далёкой.

– Земля, которая лежит за морем и за горами, тоже принадлежит его величеству. Нашему королю, – сказал Юм-Юм.

А я подумал о Бенке. Бедняга, стоит там сумрачным днём под морозящим дождичком на Уппландсгатан, а я, такой счастливый, скачу на прекрасной лошади в лучах жарко греющего солнца.

А вокруг такая красота! Трава густая и мягкая, а в траве столько разных цветов! Нас окружали зелёные холмы, с которых стекали прозрачные ручейки, а на холмах паслись пушистые белые овечки. Рядом с овечками мальчик-пастух наигрывал что-то на деревянной дудочке. Звучала какая-то странная мелодия, точно я её когда-то уже слышал, только где и когда, никак не мог вспомнить. Уж конечно, не на Уппландсгатан.

Мы остановились и разговорились с мальчиком. Я попросил его на денёк одолжить мне дудочку. Он согласился и даже научил меня наигрывать ту самую мелодию.

– Если хотите, я вам обоим вырежу по дудочке, – предложил Нонно. Так звали этого пастушка.

Конечно же, мы хотели.

Совсем рядом с нами протекал ручеёк. Над ним свои ветви склонила ива. Нонно подошёл к ней и срезал ветку. Мы сидели на берегу ручья и плескались босыми ногами в воде. А он вырезал для нас дудочки. Юм-Юм тоже научился

наигрывать мелодию этой странной песни. Нонно сказал, что это старая-престарая песенка, самая первая на земле.

- Пастухи играли её на пастбищах много тысяч лет назад, - пояснил Нонно.

Мы поблагодарили его за всё, а потом забрались на спину Мирамис и поскакали дальше.

- Будем беречь наши дудочки, - сказал я Юм-Юму. - И если нам придётся разлучиться, то будем наигрывать эту мелодию.

- Ты прав, Мио, - откликнулся Юм-Юм. - Будем беречь их. И если ты услышишь, что я заиграл на ней, знай, это я зову тебя.

- Правильно, - согласился я. - А если ты услышишь мою дудочку, это будет означать, что я зову тебя.

- Да, - сказал Юм-Юм и прильнул ко мне.

В этот момент я подумал, что он мой самый лучший друг. Конечно, после моего отца-короля. Моего отца-короля я любил больше всех на свете. А Юм-Юм такой же мальчик, как я, и теперь он мой лучший друг, тем более что я уже никогда не увижусь с Бенкой.

Надо же как всё получилось! У меня есть отец, Юм-Юм, Мирамис, и я скачу по зелёным холмам и лугам! Какое счастье!

- А как попасть в те края, что за морем и за горами? - спросил я.

- По мосту Утренней Зари, - ответил Юм-Юм.

- А где этот мост Утренней Зари?

- Скоро увидишь.

В самом деле, скоро показался мост, он был так высок и так длинен, что казалось, ему нет конца и края. Он так ярко светился, точно был построен из золотых солнечных лучей.

– Это самый длинный в мире мост, – сказал Юм-Юм. – Он соединяет Остров Зелёных Лугов с землями, что за морем. Но король приказывает по ночам его убирать, чтобы мы могли спать спокойно на Острове Зелёных Лугов.

– Зачем убирать мост? – удивился я. – Кто может явиться к нам ночью?

– Рыцарь Като, – сказал Юм-Юм.

И как только он произнёс это имя, точно холодным ветром повеяло, и Мирамис пробрала дрожь.

Я услышал про этого рыцаря впервые и потому переспросил:

– Ты говоришь «рыцарь Като»?

И не успел я это произнести, как мурашки побежали у меня по спине.

– Да, – подтвердил Юм-Юм. – Жестокий и беспощадный рыцарь Като.

Мирамис заржала – казалось, это был крик ужаса.

И мы сразу же умолкли.

Мне бы очень хотелось проскакать по мосту Утренней Зари, но сначала я должен был спросить разрешения у моего отца-короля. Поэтому мы возвратились в сад, где цветут розы, и в тот день на лошадь уже больше не садились.

Мы помогали чистить Мирамис скребницей и расчёсывать её золотую гриву, мы гладили её и угощали кусочками сахара и корочками хлеба, которые по нашей просьбе дала нам мама Юм-Юма.

А потом мы построили в саду шалаш из веток, залезли туда и ели там блинчики с сахаром. Ими снабдила нас мама Юм-Юма. Бенкина мама тоже пекла такие блинчики, и мне они тогда очень нравились.

Но с теми, что дала нам мама Юм-Юма, их было не сравнить. До того вкусно!

Ух как мы веселились с Юм-Юмом! Бенка мне много рассказывал, как он строил шалаш у себя на даче на Вексхольме. Мне очень хотелось бы написать ему о том, какой шалаш мы построили с Юм-Юмом. «Ты бы знал, какой я построил шалаш, – написал бы я ему, – какой замечательный шалаш построил я здесь, в Стране Далёкой».

Любят ли звёзды слушать музыку?

Назавтра мы снова отправились к Нонно. Сперва мы никак не могли его отыскать, но вдруг из-за холма донеслись звуки старинной песенки. Нонно сидел и наигрывал на дудочке, а вокруг него паслись овечки.

Увидев нас, он перестал играть. Нам показалось, что он рад нашему появлению. Мы достали свои дудочки и заиграли втроём. И получилось на удивление хорошо.

– Жаль, что некому нас послушать, – заметил я.

– А трава? А цветы? А ветер? – проговорил Нонно. – Деревья тоже слушают. Вон, например, те ивы, склонившиеся над ручьём.

– Да? – удивился я. – Им тоже нравится?

– Даже очень, – заверил меня Нонно.

Мы ещё долго играли травам, цветам, и ветру, и деревьям. Но я всё-таки сожалел, что ни один человек нас не слышит.

- Ну, хочешь, пойдём сыграем моей бабушке, - предложил Нонно. - Я ведь живу с бабушкой, - пояснил он.

- А далеко идти? - поинтересовался я.

- Довольно-таки далеко, но, если играть на дудочках, дорога не покажется чересчур долгой.

- Это точно, - согласился с ним Юм-Юм. - С музыкой дорога всегда короче.

Ему, так же как и мне, хотелось познакомиться с бабушкой Нонно.

Я читал в сказках про добрых бабушек, но настоящей, живой бабушки я в своей жизни не встречал. Вообще-то на свете очень много всяких бабушек. Но у меня-то ведь её никогда не было. Мы взяли с собой овец, и ягнят, и, конечно, Мирамис. Таким караваном мы и отправились в гости к бабушке Нонно. Мы шли медленно, как обычно ходил Калле. Ягнята и овцы, должно быть, удивлялись, куда это мы их гоним? Но вообще-то путешествие им, скорее всего, понравилось, потому что они всё время скакали вокруг нас и резвились.

Мы шли долго, миновали множество холмов и наконец остановились у домика, в котором жил Нонно.

И его домик был такой же, о каком мне приходилось читать в сказках. Невысокая весёлая хижинка, крытая соломой, возле которой буйно цвели кусты сирени и жасмина.

- Тсс! - шепнул нам Нонно. - Устроим бабушке сюрприз.

Мы выстроились перед окном - Нонно, Юм-Юм и я.

– Раз, два, три, начали! – скомандовал Нонно, и мы заиграли такую весёлую песенку, что наши овцы и ягнята пустились в пляс.

В окошко выглянула старушка с очень добрым лицом. Это и была бабушка Нонно.

– Ой, какая прекрасная музыка! – захлопала она в ладоши.

И мы ещё долго играли для неё, а бабушка всё не отходила от окна, слушала.

Бабушка Нонно была очень старенькая и напоминала добрую старушку из сказки, только эта бабушка была настоящая, живая.

Наигравшись от души, мы вошли в хижину.

– Есть хотите? – спросила нас бабушка.

Конечно же, мы хотели. После такой дальней дороги мы не отказались бы что-нибудь перекусить. Бабушка достала буханку хлеба и нарезала толстыми ломтями. Это был простой, слегка чёрствый чёрный хлеб. Но в жизни я не ел хлеба вкуснее.

– Какой вкусный хлеб, что это за сорт? – спросил я у Нонно.

– Вряд ли какой-нибудь особенный сорт, – ответил он. – Просто хлеб, утоляющий голод, только и всего.

Мирамис тоже решила отведать хлебушка. Она просунула голову в открытое окошко и тихонько заржала. Нам стало смешно. А бабушка потрепала её по мордашке и тоже угостила кусочком хлеба.

Потом мне захотелось пить.

– Мне бы попить, – обратился я к Нонно.

– Пошли со мной, – сказал он и повёл нас к роднику, что пробивался в саду возле дома.

Нонно набрал чистой родниковой воды в деревянную кадочку, и мы напились. Какая же она была чистая, прохладная, вкусная!

– Какая вкусная вода! Что это за родник, Нонно?

– Да не знаю, – сказал он. – Обыкновенный родник, чья вода утоляет жажду.

Мирамис тоже захотела пить. Мы и её напоили. И овец, и ягнят тоже. Но вот настало время гнать Нонно овец обратно на пастбище за холмами. Он попросил бабушку достать его плащ, в который можно будет завернуться, когда он будет ночевать на лугу рядом со своими овечками. Она вынула из шкафа коричневый плащ и протянула его внуку. Я подумал: «Вот счастливчик, может спать на лугу под открытым небом. А вот мне не доводилось такого ни разу в жизни». Бенка, бывало, со своими папой и мамой выезжали за город на велосипедах. Там они разбивали лагерь на уютной лесной поляне и ночевали в спальных мешках. Бенка говорил, что нет ничего лучше этого. Что ж, я в этом и не сомневался.

– Хорошо тебе, можешь спать всю ночь на свежем воздухе, – позавидовал я Нонно.

– Так и ты смог бы, – отозвался он. – Давай вместе со мной!

– Нет, – возразил я. – Мой отец-король будет тревожиться, если я к ночи не вернусь домой.

– Хотите, я пошлю весточку его величеству королю? – спросила бабушка.

– И моему папе тоже, – попросил Юм-Юм.

– И садовнику тоже пошлю, – согласилась бабушка.

Мы с Юм-Юмом так обрадовались, что запрыгали-заскакали не хуже ягнят. Но бабушка Нонно озабоченно поглядела на наши короткие одежонки и сказала:

– Вы озябнете, когда выпадет вечерняя роса. – На её доброе лицо набежало облачко грусти, и она добавила почти шёпотом: – У меня есть ещё два маленьких плаща.

Она направилась к старинному сундуку, что помещался в углу избышки, и достала из него два плаща, один – красный, а другой – голубой.

– Это плащи моих братьев, – произнёс Нонно с печалью в голосе.

– А где же твои братья? – поинтересовался я.

– Рыцарь Като... – прошептал Нонно. – Жестокий и беспощадный рыцарь Като похитил их...

Не успел он проговорить это, как за окном Мирамис заржала так, точно её больно ударили кнутом. И все ягнята в страхе прижались к овцам, а те задрожали и заблеяли, точно настал их последний час. Бабушка Нонно протянула мне красный плащ, а Юм-Юму – голубой. А Нонно она дала буханку хлеба, который утоляет голод, и кувшин с водой, утоляющей жажду. И мы отправились обратно той же дорогой, что и пришли. Меня очень огорчила весть о братьях Нонно, и всё же как мне было не порадоваться, что я проведу ночь под открытым небом?

Когда мы добрались до ивы, той, что склонилась над ручьём, Нонно сказал, что здесь мы разобьём лагерь, где и проведём ночь. Мы развели жаркий костёр и уселись возле огня. Нам было хорошо и тепло. Мы поели хлеба, утоляющего голод, и запили его водичкой, утоляющей жажду. День погас, и настала ночь, но возле костра было тепло и уютно. Мы завернулись в плащи и улеглись у костра, а рядом с нами уснули овцы и ягнята. Неподалёку от нас Мирамис щипала траву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://telnovel.com/ru/astrid-lindgren/mio-moy-mio-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)